

УДК 1(091)

СТИЛЬ КАК СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И. Г. ГАМАНА В «СОКРАТИЧЕСКИХ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХ»

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. В статье решается проблема интерпретации первого публичного сочинения И. Г. Гамана «Сократические достопамятности», в котором сам стиль служит методом или способом философствования. С помощью герменевтического метода и сравнительного текстуального анализа разобраны следующие аспекты стиля Гамана: холистичность, аналогия, ирония, типология, метасхематизм, сокрытость, совпадение противоположностей. В результате в рассматриваемом произведении выделено 4 уровня нарратива, включающего оригинальную трехчастную типологию, представленную в виде таблицы. Гаман описывает исторического Сократа, который выступает для него образом, с одной стороны, Христа, а с другой – его самого, для целей апологетики своей позиции перед адресатами И. К. Беренсом и И. Кантом. Также приведен перевод письма Гамана, в котором Гаман дает план своего сочинения и некоторые объяснения относительно его замысла.

Ключевые слова: Гаман, Сократ, Сократические достопамятности, аналогия, ирония, типология, метасхематизм, сокрытость, совпадение противоположностей.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2023). Стиль как способ философствования И. Г. Гамана в «Сократических достопамятностях». *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 41-58. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.41-58

STYLE AS MEANS OF DOING PHILOSOPHY IN J. G. HAMANN'S "SOCRATIC MEMORABILIA"

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. Article deals with the problem of interpretation of "Socratic memorabilia", the first public work of J. G. Hamann. In this work the style itself serves as a method or means of doing philosophy. Using hermeneutical approach and intertextual analysis, the following features implemented in Hamann's style are laid out: holistic character, analogy, irony, typology, metaschematism, hiddenness, coincidence of opposites. This research results in reconstruction of the 4 levels of narrative including three-fold typology presented as a chart. Hamann describes historical Socrates whom he views as a type of Christ, on the one hand, and of himself, on the other, for the purpose of providing apologetic of his own position for the addressees I. K. Berens and I. Kant. In addition, there is given translation of Hamann's letter where he provides an outline of his work and gives some explanation as to its purpose.

Keywords: Hamann, Socrates, Socratische Denkwürdigkeiten, analogy, irony, typology, metaschematism, hiddenness, coincidentia oppositorum.

For citation: Streltsov, A. M. (2023). Style as Means of Doing Philosophy in j. G. Hamann's "Socratic Memorabilia". *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 41-58. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.41-58

В философских и историко-философских текстах индивидуальные особенности стиля того или иного автора, влияя на восприятие текста читателем, все же, как правило, не затрагивают сам концептуальный аппарат философствования. Примечательным исключением выступают труды кенигсбергского публициста, филолога, теолога и философа Иоганна Георга Гамана (1730–1788). Respublica Literaria, в контексте которой он сформировался и действовал, в полной мере дала проявиться его противоречивой натуре. С одной стороны, интеллеktуал, эрудит, собравший огромную библиотеку: сохранилась полная опись 1776 г., когда она была заложена, но в итоге спасена благодаря финансовой помощи И. Г. Гердера, влиятельного ученика Гамана [Hamann, 1953, pp. 13-121]. С другой – человек, не завершивший университетское образование, не входивший в профессиональные философские круги, получивший по протекции Иммануила Канта должность второстепенного чиновника таможенного склада в гигантской бюрократической машинерии, выстроенной Фридрихом II, откуда он в конце концов был выпровожен на пенсию по сокращению штатов.

Все работы Гамана компактны, но их едва ли получится прочитать быстро. Гете принадлежит забавное замечание, что при чтении Гамана «нужно совершенно исключить то, что имеется в виду под пониманием» [цит. по: Griffith-Dickson, 2022]. Возможно, это связано с тем, что эти тексты написаны особым образом: может даже сложиться впечатление, что они специально написаны так, чтобы затруднить понимание читателя, бросить ему вызов, вывести его, так сказать, из «зоны комфорта».

Сам Гаман был полиглотом. Он читал на основных европейских языках, владел древнегреческим, латинским, древнееврейским и арабским. Ряд трактатов он написал на французском языке. Своеобразные «языковые игры» постоянно сопровождают его тексты. Отчасти это можно объяснить особенностями его биографии. В автобиографических заметках он упоминает, как первый учитель пытался научить его латыни без разбора какой-либо грамматики [Hamann, 1993, p. 315], а у следующего он «мог переводить с латинского языка на немецкий, не понимая ни языка, ни смысла автора» [Ibid]. Младший брат Гамана постепенно превращался в идиота, так что Гаман, ставший в итоге его опекуном, мог наблюдать в режиме реального времени угасание его когнитивных и речевых способностей [Lowrie, 1950, p. 16]. Вопрос языка вообще крайне важен для Гамана, которого даже рассматривают как стоящего у истоков «лингвистического поворота» [Lafont, 1999, pp. 3-7]: «Без языка у нас нет разума» [Hamann, 1951, p. 231].

То, что в трудах Гамана стиль служит ключом к его творчеству, подметил еще Гегель, сказавший, что «у сочинений Гамана не только своеобразный стиль, но они сами и есть стиль» [Hegel, 1956, p. 226]. Для стиля Гамана характерны многочисленные отсылки к древним и современным авторам, нередко с использованием антономасии, центоны, нелепых сочетаний противоположностей. Все это создает впечатление карусели или калейдоскопа, картинки в котором меняются каждую секунду.

У многих читателей такие особенности стиля Гамана вызывают раздражение, недоумение или просто потерю интереса. Ганс Урс фон Бальтазар отмечал с сожалением по поводу Гамана, что «если бы его литературные дары и стиль были бы другими, он мог бы стать интеллектуальным и духовным отцом эпохи» [Balthasar et al., 1983, p. 80]. Невозможно судить о том, что не осуществилось, но одно можно сказать с уверенностью: стиль Гамана едва ли можно отделить от него самого.

В этой статье предпринята попытка анализа стиля Гамана на примере его дебютного сочинения «Сократические достопамятности» (далее – СД), которое даже удостоилось такой оценки, как «семинальная работа в истории философии» [Beiser, 1987, p. 24]. Отмеченные далее в работе особенности стиля Гамана, несомненно, тесно взаимосвязаны, но все же мы посчитали возможным отдельно выделить свойственные его авторству черты.

Толчком к написанию СД послужила коллизия, случившаяся между Гаманом и его университетским другом и затем коммерсантом рижского семейного торгового предприятия Иоганном Кристофом Беренсом. Посланный в Лондон по делам фирмы, Гаман вернулся оттуда, обремененный долгами, не выполнивший возложенное на него поручение и вдобавок переживший религиозное обращение. Пропасть, которая образовалась между Гаманом и Беренсом, усугублялась отказом Беренса выдать замуж за Гамана его сестру. Тем не менее, Беренс не был готов распрощаться с Гаманом, за которым он признавал несомненные интеллектуальные достоинства, но вознамерился вернуть его к мировоззренческой позиции, от которой тот отошел. Для осуществления этого плана он привлек кенигсбергского философа Иммануила Канта. Они встретились с Гаманом пару раз в июне и июле 1759 г. и выдвинули ему деловое предложение заняться переводом энциклопедии Дидро и д'Аламбера для просвещения немецкой публики, надеясь, что включение в эту работу окажет положительное воздействие и на самого Гамана.

Достаточно скоро Гаман ответил отказом на это предложение, написав СД во второй половине августа 1759 г. в качестве обоснования этого отказа (опубликована работа была только спустя 4 месяца). В письме директору рижской кафедральной школы Иоганну Готтхельфу Линднеру, выступившему в качестве посредника между Гаманом, Беренсом и Кантом, Гаман отметил: «Я работал над этим исследованием с упоением, и но получилось у меня, как я того желал» [Namann, 1955, p. 410].

Еще до написания СД Гаман письменно обратился к Канту с неприкрытой иронией: «Не могу удержаться от смеха, что Ваш друг избрал философа, чтобы изменить мой образ мыслей. На эту демонстрацию мудрости я смотрю как рассудительная девушка на любовное письмо ...» [Namann, 1955, p. 378; Гильманов, 2013, с. 38-39].

Из этого последнего письма Гамана видно, как постепенно созревает концепция будущего трактата. Канта Гаман сравнивает с Сократом, а Беренса – с Алкивиадом. Себя же он уподобляет даймону (Genius) Сократа, который даст Канту мудрость большую, чем разум, чем величайший человеческий гений (Genie) [Namann, 1955, pp. 373, 377]. Таким образом, Гаман иронически меняется ролями с Кантом, чтобы, в свою очередь, попытаться изменить его образ мыслей и образ действий. Это стремление является одной из целей написания СД, причем Гамана, по-видимому, не смущает риск выставить себя этим поступком на посмешище.

Композиционно трактат состоит из предисловия, введения и трех основных частей. В предисловии, которое, в свою очередь, делится на две части, Гаман посвящает свое произведение эфемерному идолу несуществующей «публики» и двум конкретным читателям-друзьям: Беренсу и Канту [Стрельцов, 2018, с. 113–114]. В последующем введении Гаман словно отвлекается и рассуждает о философии истории, но за этим стоит его стремление показать, что именно он делает в работе: он не историограф Сократа, но раскрывает его историю, которая иначе осталась бы «запечатанной книгой» [Namann, 1950, p. 65].

Из трех частей наиболее содержательной является центральная. Там Гаман выражает основную мысль своего трактата, актуализируя незнание Сократа в контексте своего времени. Сочинение выдержано согласно канонам классической риторики¹: к третьей части накал, казалось, спадает, но в самом конце следует мощный заключительный аккорд.

Холистичность

Гаман работает на стыке филологии, теологии и философии. Холистичность его подхода проявляется в том, что он выступает за единство и говорит, что нельзя разъединять то, что изначально соединено. О холистичности Гамана высказывался еще Гете: «Принцип, к которому восходят все высказывания Гамана, сводится к следующему: “Что бы человек ни задумал совершить – в действиях, в словах или как-нибудь еще, – должно проистекать из объединения всех сил; разрозненное – порочно”. Великолепная максима, но руководствоваться ею нелегко» [Гете, 1976, с. 433].

Косвенным образом холистический подход Гамана в СД проявляется в его акценте на естественных науках, в частности, химии². Гамановед Дж. О’Флаэрти отмечает, как в своем методе Гаман сопоставляет слова так же, как химики пытаются совмещать субстанции, ожидая того или иного эффекта [O’Flaherty, 1997, p. 241]. Гаман в этом смысле противопоставляет химию математике и физике, основанной на математике, которая для него слишком абстрактна. Гаман же был эмпириком, и химия ему была ближе, поскольку она имела дело с конкретными веществами.

Гаман брал слова как минимальные когнитивные элементы (в соответствии с постулируемым им *restitutio principii minimi*) и сочетал их, пытаясь обрести новый и более глубокий смысл в результате этого взаимодействия. Этот принцип, согласно О’Флаэрти, «исключает все абстрактное мышление в пользу образного мышления и подобным образом исключает логику в пользу аналогического мышления, т. е., метафоры» [O’Flaherty, 1997, p. 235].

Аналогия

«Аналогия была душой его заключений, а их плоти он придавал иронию», – говорит Гаман о Сократе, добавляя, что он «решил писать о Сократе по-сократически» [Hamann, 1950, pp. 10-11]. В сноске к этому замечанию он приводит строчку из 6 книги «Ночных размышлений» английского поэта Эдварда Янга: «Analogy, man’s surest guide below».

Янг – один из любимых поэтов Гамана, которого он цитировал более, чем кого-либо еще в трудах Лондонского периода, предшествовавшего написанию СД. В контексте данной цитаты Янг говорит о разрыве между миром блаженства, где не царствует смерть, и этим земным миром. Разума недостаточно для преодоления этой пропасти, для связи между мирами, и тогда на помощь приходит аналогия [Young, 1822, p. 199]. Понятие аналогии тесно связано с понятиями типологии и мимезиса, о которых речь пойдет далее; фактически

¹ Сам Гаман имел дефект речи (заикание?), что, должно быть, помешало его публичной карьере. Однако, он пишет так, словно говорит с читателем.

² *Contra* [Гулыга, 1985, с. 78], где про Гамана утверждается, что он «совершенно чуждый естествознанию».

аналогия реализуется через мимезис посредством проведения горизонтальной типологической связи. Используя аналогию как метод философствования, Гаман словно игнорирует предшествующую традицию, укорененную в логике и методологии Аристотеля, и возвращается к Платону. Он полагает, что рационального мышления, реализуемого через рассуждения и логические связи, недостаточно для понимания того, как на самом деле обстоят дела. Необходимо обращаться к аналогии.

Ирония

С первых строчек СД ирония Гамана, местами достаточно острая, обрушивается на читателя. Для Гамана это не временное снятие напряженности, позволяющее далее сконцентрироваться на серьезных вопросах, но часть его стиля и метода философствования. Ирония Гамана простирается от тонких намеков, понятных только интеллектуалам, до приземленного, на грани эпатажа, юмора. Ограничимся примером из начальной части СД, где обращение к публике построено в виде молитвы к несуществующему идолу публики, который уподоблен тупому, ничего непонимающему циклопу (Гаман цитирует одноименную пьесу Еврипида). Кушанье СД обратит этого адресата в ничто, подобно тому, как кушанье Даниила разорвало идола Вила в Дан 14:27. На реальных же адресатов СД – Беренса и Канта – этот пирожок, как утверждает Гаман, подействует в качестве слабительного, очистив их для служения истине, которую он, Гаман, возвещает. И тут же Гаман приводит позаимствованную у Бэкона историю про императора Веспасиана, воскликнувшего, сидя в отхожем месте в момент смерти, что становится богом [Гаман, 1950, с. 60].

В то время как для Гамана юмор был одним из способов сокрытия христианской вести [Amir, 2014, p. 95] (сокрытость, как особенность стиля Гамана, обсуждается ниже), функционально речь здесь идет о чем-то еще. Цель Гамана состоит не в том или не только в том, чтобы убедить Канта и Беренса теми или иными доводами в правильности его мировоззрения, но и чтобы вызвать определенную перемену в них самих, обратить их к самопознанию и далее к сократическому незнанию, заставив их взглянуть на себя сквозь призму предельной иронии. Юмор и ирония Гамана подразумевают выстраивание аналогий, проведение взаимосвязи между профанным и сакральным, что реализуется на стыке комедийного и трагического, в рамках его понимания концепции совпадения противоположностей.

Типология

В XVIII в. типология была общепринятым методом толкования текстов Библии. В частности, именно таков был подход Иоганна Альбрехта Бенгеля в его знаменитом труде «Gnomon Novi Testamenti» 1742 г. Важно отметить, что это не был произвольный метод интерпретации, типология не была аллегорией, но употреблялась в соответствии с четким порядком. Дэвидсон выделяет следующие черты библейской типологии в его исследовании новозаветных typos-структур: 1) действительное соответствие между образом (τύπος,

Vorbild) и вместообразом (*ἀντίτυπος*, *Nachbild*), 2) представление о сакраментальности (а не только символичности) образа, 3) незавершенность образа, требующая исполнения, 4) интенсификация: вместообраз всегда больше образа, 5) христоцентричность [Davidson, 1981, pp. 95-100].

В подходе Гамана можно узнать многие черты библейской типологии (в частности, апостола Павла), но он корректирует ее в соответствии со своими собственными задачами. Во-первых, в типологии Гамана не две составляющие, но три: Сократ, Христос и сам Гаман. Образом во всех случаях служит Сократ, но в качестве вместообраза может выступать как Христос, так и Гаман. Таким образом, можно выделить два вида пар-связок: Сократ-Христос и Сократ-Гаман. Вышеперечисленные пункты библейской типологии соблюдаются в первой связке, но в случае второй мы имеем дело со специальным приемом, который Гаман использует, чтобы показать, что именно он является подлинным наследником Сократа, а не деятели Просвещения, которые на это притязают. Соответственно, пункты 3 и 4 реконструкции Дэвидсона имеют только ограниченное применение к Гаману: в некотором смысле он действительно воспринимает себя как *Socrates redivivus*, но это не означает, что он претендует на нечто большее в сравнении с самим Сократом. Он просто смещает линии конфликта: вместо рафинированного прото-рационалиста Сократа, представленного в современную эпоху в первую очередь деятелями французского Просвещения и берлинскими *literati*, которым, как они считали, противостоят ретроградные церковники, Гаман рассматривает себя самого как аналог Сократа в Кенигсберге XVIII столетия, выступающий против новых софистов ультрарационалистического толка.

Список образов и вместообразов СД приведен в Таблице 1³. Разумеется, не во всех случаях типологические связки выделены явно в тексте СД, но все же мы полагаем, что во всех приведенных примерах аллюзии Гамана достаточно индикативны, чтобы быть включенными в список. Представленная трехчастная типология СД не исчерпывает типологические подходы Гамана и в некотором смысле представляет собой неизбежное упрощение. Отдельные типологические взаимосвязи СД вовлекают сторонних персонажей: так, Гаман проводит аналогию между плотниками Ноем и Христом и Петром Великим, ставшим плотником, чтобы «быть богом своего народа» [Hamann, 1950, p. 62], Критон согласно реконструкции Бланке – образ Беренса [Blanke, 1959, p. 124], но все же основной массив параллелей укладывается в ряд Сократа – Христа – Гамана.

Структурно в СД наблюдается баланс между практически одинаковым количеством используемых имен из древности и современности [O'Flaherty, 1967, pp. 68-70]. В этом смысле типологическую конструкцию СД можно еще представить как коромысло весов, удерживаемое в равновесии христологическим центром, скрепляющим воедино части работы.

³ Данный список неизбежно пересекается с приведенными типологическими темами в [O'Flaherty, 1967, pp. 207-208], представляя собой его развитие. Мы полагаем, что отличий достаточно, чтобы оправдать составление отдельного списка. В комментарии [Blanke, 1959] также приводятся параллели и соответствия, хотя и не в виде отдельного списка.

Таблица 1

Реконструкция трехчастной типологии «Сократических достопамятностей»

Атрибуция	Сократ	Христос и апостолы	Гаман и др. совр. персонажи
59, 24-27 ⁴	Даниил бросает ком в пасть идолу и разрушает его (см.: Дан 14:27)		Гаман очищает Канта и Беренса от поклонения идолу публики
61, 5-9	Афинская публика прочитала «Историю животных» Аристотеля, но не поняла. Александр прочитал и понял		Публика не поймет СД. Гаман надеется, что Кант и Беренс смогут понять
61, 23-37	Сократ отличал в произведениях Гераклита то, что мог понять, от того, что не мог		Гаман ожидает, что его читатели (Кант и Беренс) не будут судить то, что они сперва не поймут в его работе
65, 24-31	Сократ посещал мастерскую Симона кожевника, который лучше понял его, чем добавивший многое от себя Платон	Апостол Петр остановился у Симона кожевника в Иоппии, несмотря на то, что это ремесло считалось нечистым	Гаман надеется, что его адресаты смиренно отнесутся к его тексту
66, 1-2	Мать повитуха, майевтика		Мать повитуха
67, 2-14	Одетость граций Сократа	Уничужение в воплощении («снисхождение»)	Сокрытость стиля СД
67, 15-20	Сын скульптора	Сын плотника	Сын лекаря
70, 2-11	Критон потратил много денег на обучение Сократа, но тот остался незнающим		Беренс вложил много средств в Гамана, но тот не стал содействовать идеалам Просвещения
70, 19-23	Сократ ничего не знает	Христос ничего не имеет («кеносис», 2 Кор 2:8)	Гаман как незнающий и ничего не имеющий (должник Беренса), которого мучают кредиторы
74, 20-32	Аполлон провозгласил незнающего Сократа мудрым		Бог признает незнающего Гамана
75, 10-13	Пустой ум Сократа забеременел истинным познанием	Непорочное зачатие Христа	Незнание как необходимое условие обретения веры

⁴ Все примеры приведены из издания [Namann, 1950]. После номера страницы следует номер строчки по вертикали.

78, 20-21	Сократ ничего не написал	Христос ничего не написал	Гаман пишет словно произносит речь
79, 25-35	Безумство Сократа на площади в Афинах	Христос изгоняет торговцев из храма	Гаман не считает нужным скрывать чувства
80, 1-4	Стиль Сократа (предполагаемый) – пластичный, как у скульптора		Стиль Гамана – пластичный на практике
80, 4-6	Аллюзии, темные высказывания		Аллюзии, темные высказывания
80, 22-32	Обвинен в развращении юношей и безбожии, при этом пример истинного верующего	Обвинен и казнен как злодей, при этом праведник	
81, 1-4	Обвинен судьями, но ведет себя как повелитель судей	Суду подвергается судья мира	
81, 12-14	Посмертное явление привидения Сократа Кирсаю	Воскресение Христа и его явление ученикам	
81, 16-17	Пребывание Кирся в краю замечательного вина	Церковь и ее евхаристия как продолжающееся пребывание Христа с людьми	

Мимесис и метасхематизм

С гамановским типологическим подходом тесно связаны понятия мимесиса и метасхематизма. Здесь мы подходим к центральной части метода Гамана. Гаман предлагает рассматривать его очерк как эстетическую имитацию (*Nachahmung*) [Hamann, 1950, p. 61]. В чем заключается этот мимесис, – подражание Сократу? Для этого нам нужно раскрыть значение термина «метасхематизм» (так Гаман интерпретировал сократическую майевтику). Гаман взял на вооружение термин «метасхематизм» в 1 Кор 4:6; в контексте апостол Павел разбирается с разделением в Коринфе, где одна группа примкнула к Аполлосу, другая к Петру, третья к Павлу, а четвертая отвергла каких-либо учителей, признав своим авторитетом исключительно Христа (1 Кор 1:12). Перед Павлом встала нелегкая задача восстановить мир и привести членов этих фракций к согласию, избегнув прямой конфронтации с разделенными людьми. Для выполнения этой задачи он представил разделение между последователями Аполлоса и своими собственными как разногласие между Аполлосом и им самим, чтобы через образное применение этой ситуации к себе привести членов двух конфликтующих кружков к согласию и единству. Так, мы читаем в 1 Кор 4:6: «Это, братья, применил [посредством образа] (μετεσχημάτισα) я к себе и Аполлосу ради вас ...».

Ведущий немецкий гамановед Освальд Байер характеризует метасхематический подход Гамана следующим образом: «Он видит себя в зеркале других и других в зеркале собственный переживаний. Он помещает себя на их место, словно смотрит на мир их глазами»

[Bayer, 1988, p. 118]. Гамановский метод метасхематизма⁵ включает две части: 1) личную вовлеченность автора текста в описываемые им события (Гаман предстает в образе Сократа, надевает на себя, если угодно, маску Сократа), 2) не прямой способ коммуникации контента адресатам (Гаман представляет «метасхематически» отношения между собой, Беренсом и Кантом, как отношения между Сократом и софистами его времени).

В этом отношении полемический памфлет, содержащий прямые аргументы против другой точки зрения, не может быть метасхематическим, поскольку не выстраивает типологические связи, а, например, басни (Эзопа, Крылова и т. п.) не будут метасхематизмом, потому что не подразумевают, как правило, личную вовлеченность автора в сюжет повествования.

Нельзя согласиться с трактовкой Леонард, которая утверждает, что «Гаман провокационно разваливает хронологию, так что Сократ может быть христианином до Христа и одновременно подданным Пруссии восемнадцатого века» [Leonard, 2012, p. 35]. Гаман не упраздняет хронологию, но представляет горизонтальную типологическую схему, в рамках которой Сократ остается язычником, не становясь христианином, аналогия же проводится посредством метасхематизма между им и его оппонентами, и между Гаманом и его оппонентами.

Такое искусство «перевоплощения» подразумевает также владение оружием оппонента, на территории и отчасти по правилам которого и ведется игра. Исследователи любят сравнивать метод метасхематизма Гамана с внесением троянского коня в цитадель Просвещения [Betz, 2007, p. 311]. Так, если Гаман спорит с просветителями, то он сам примеряет на себя роль просветителя. В уже упомянутом знаменитом письме Канту от 27 июля 1759 г. Гаман иронически (если не сказать издевательски) предлагает помочь Канту в деле собственного переубеждения, уподобляя Канта Сократу, которому для такого значимого дела понадобится наставник – даймон, которым будет он, Гаман.

Подобный прием Гаман применит в СД при использовании довода Юма о вере, примеряя на себя роль сенсуалиста Юма против рационализма Беренса и Канта, но в то же время обращая этот довод и против самого Юма через семантическое расширение понятия «вера».

Сокрытость

Говоря о сокрытости как особенности стиля Гамана, мы не можем не сказать о масштабном влиянии на мысль Гамана теологии Лютера. В этом смысле Бланке принижает это влияние, когда считает, что Гаман вначале открыл Библию, а потом уже стал читать Лютера, и на этом основании описывает отношения Гамана и Лютера как аналогические, а не генеалогические [Blanke, 1956, pp. 43-68]. В Кенигсберге Гаман еще в отрочестве

---

⁵ См. более подробное обсуждение метасхематизма как метода Гамана в: [Unger, 1925, pp. 501-503; O'Flaherty, 1967, pp. 88-91]. В работе «Metaschematismus und formale Anzeige – Über ein biblisch-paulinisches Rüstzeug des Denkens bei Johann Georg Hamann und Martin Heidegger» [Stünkel, 2005] содержатся параллели между Гаманом и Хайдеггером в отношении метасхематического метода, который трактуется там более узко, как имеющий основание в библейских текстах (в первую очередь апостола Павла), как способе философской аргументации.

проходил конфирмационные занятия по катехизису Лютера. В СД Гаман называет Лютера «нашим отцом церкви» и «великим человеком» [Hamann, 1950, p. 66]. Само общее название следующего после СД цикла трудов Гамана «Kreuzzüge des Philologen» содержит явную отсылку к *theologia crucis* Лютера, выраженной им в Гейдельбергской диспутации 1518 г. [Лютер, 2013, с. 386].

Согласно теологии креста Лютера, Бог в его явном величии (*Deus nudus*) страшен для человека-грешника и не несет ему ничего кроме гнева. Лютер рассматривает действие Бога в рамках дихотомии *Deus absconditus* – *Deus revelatus*, располагая откровение Бога в целях спасения человека на кресте [McGrath, 1985, pp. 164-168].

В стиле Гамана сокрытость обусловлена как теологическими, так и апологетическими мотивами. Гаман нигде не называет Христа по имени, обходясь такими эпитетами как «сын плотника», «галилеянин». «Снисхождение» (*condescentio*) Бога, занимающее одно из центральных мест в теологической схеме Гамана, здесь подразумевает его сокрытость в воплощении.

С другой стороны, Гаман иронически подражает в своем стиле методам отдельных критиков христианства, которые осуществляли ползучую экспансию собственной парадигмы за не вызывающим возражений фасадом. «Я вынужден, – говорит Гаман во вступительном обращении к Беренсу и Канту, – из соображений уместности пойти на то, чтобы набросить на мою религию покрывало, взятое взаймы у патриотически настроенного Сен-Джона и платонически настроенного Шефтсбери и сотканное последними для прикрытия своего неверия и своего лжеверия» [Hamann, 1950, p. 61; Гильманов, 2003, с. 427]. Несомненно, это делается для того, чтобы не отпугнуть его адресатов, которые и так считают Гамана фанатиком-энтузиастом.

Покровы срываются в конце книги, который служит кульминацией всего повествования. Здесь Гаман очевидным образом заявляет о том, что сам Бог вочеловечился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, располагая далее эту истину в позорной смерти Бога на кресте [Hamann, 1950, p. 82].

Coincidentia oppositorum

В свою очередь, такое действие Бога *sub contrario* (под видом противоположности) указывает в контексте работы Гамана на концепцию совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) – основной мировоззренческий принцип Гамана на протяжении его писательской карьеры и, пожалуй, единственный, который он признавал⁶. Гаман даже противопоставлял его закону противоречия и закону достаточного основания [Цит. по: Bauer, 1988, p. 65]. На теологическом уровне для него этот принцип реализуется в первую очередь в христологии в доктрине общения свойств (*communicatio idiomatum*) божественной и человеческой природ Христа.

---

⁶ О сравнении этого принципа в мысли Гамана и Николая Кузанского [см.: Röhricht, 1979]. Относительно возможного знакомства Гамана с трудами самого Кузанца (а не только Джордано Бруно, у которого, как было принято считать, Гаман увидел данную концепцию) [см.: Волжин, 2018].

В СД *coincidentia oppositorum* утверждается посредством резких стилистических и смысловых переходов. Принцип применяется к широкому спектру вопросов. Например, Веспасиан становится богом в момент предсмертной дефекации [Hamann, 1950, p. 60]. Большинству читателей СД – эфемерной публике – работа Гамана покажется плесенью, но некоторые смогут разглядеть в ней микроскопический лес [Hamann, 1950, p. 61].

Применительно к Сократу, центральным аспектом парадокса *coincidentia oppositorum* является провозглашение дельфийским оракулом мудрейшим человека, который сам о себе сказал, что ничего не знает [Hamann, 1950, p. 68].

Основные случаи стилистической передачи принципа *coincidentia oppositorum* так или иначе связаны с христологией. Они обрамляют рождение Христа, его уничтожение, смерть и воскресение. Небесное здесь соседствует с земным, возвышенное с низменным, порой в очень странных сочетаниях. Например, беременность пустого ума Сократа истинным познанием уподоблена непорочному зачатию Христа в ссылке на сатирический трактат д-ра Джона Хилла 1750 г., где тот доказывал возможность забеременеть девственнице от порывов ветра [Hamann, 1950, p. 75].

Ирония Гамана вносит значительные коррективы в проводимые им аналогии. Естественному разуму хочется видеть эстетическое соответствие между красотой и благом (т. н. «калокагатия»). Как в случае Сократа, так и в случае Христа такого соответствия не наблюдается. Гаман говорит о Христе как покрытом ранами и рубцами, которого не могли по этой причине принять иудеи, однако сравнивает это не с неказистой внешностью Сократа (как мы могли бы ожидать), но с его влечением к красивым юношам [Hamann, 1950, pp. 67-68].

Охваченный заботой о поддержании морали Джон Гилберт Купер, с жизнеописанием Сократа которого Гаман здесь полемизирует, пытается защищать Сократа от обвинения в гомосексуализме [Cooper, 1750, pp. 69-70]. В отличие от Купера, Гаман не скрывает гомосексуализм Сократа, расценивает его как порок, однако, отчасти извиняет в сравнении с метафизическим гомосексуализмом его оппонентов. Обсуждение данной тематики в контексте теологии «облика раба» выглядит неожиданным, но именно в этом проявляется стилистическое оформление парадокса совпадения противоположностей в работе Гамана.

Наконец, в самом конце книги в качестве заключительного аккорда показан контраст между благородной смертью Сократа и смертью Христа, в качестве аналогии которой усматривается позорная смерть Роберта Франсуа Дамьена, подвергнутого серии жестоких пыток и продолжительной казни за покушение на убийство Людовика XV [Hamann, 1950, p. 82].

***

С учетом всего вышесказанного, нам представляется возможным выделить в СД четыре уровня нарратива. Подход Гамана представляет собой сознательно выстроенную трехчастную типологию, используемую для конкретно заданной апологетической цели.

На первом уровне повествования Гаман пишет об историческом Сократе, используя тексты Шарпентье в переводе Томазия и переложении Купера. При этом он особо замечает, что не выступает в качестве историографа Сократа, но обращается только к тем особенностям его жизни, которые отвечают целям его работы. Сюда входят: происхождение

Сократа, его метод майевтики, отношения с юношами, самопознание, выразившееся в его провозглашении о собственном незнании, даимон, порицание софистов и качественное отличие от них и, наконец, суд и казнь.

На втором уровне (в данном случае порядок не идентичен важности) Гаман пишет о Христе как вместиообразе Сократа. Христос предстает как незримый центр работы. Гриффит-Диксон отмечает, что СД есть по сути «попытка оправдать Иисуса для “рационалистической эпохи”, а также вызволить Сократа у тех, кто относится к философии как вопросу моды, власти и престижа» [Griffith-Dickson, 1995, p. 34].

На третьем уровне Гаман представляет себя «христологическим Сократом» XVIII в., которого не понимает и отвергает его окружение, а Берена и Канта как современных софистов, противников истины.

Наконец, на четвертом уровне содержится призыв к Беренсу и Канту и другим людям их круга, которых они персонифицируют (Беренс – буржуазия, Кант – ученые интеллектуалы), достигнуть самопознания, перестать поклоняться абстрактным идеалам Просвещения, таким как «публика», и перейти на сторону Сократа-Христа.

Четвертый уровень можно рассматривать как апологетику (а) личной веры Гамана и его жизненного выбора в Лондоне, (б) жизнеспособности христианской традиции в целом в контексте Просвещения. В отличие от апологетов II–V вв., взаимодействовавших с платонической и стоической философией для опровержения мнения их противников, Гаман использует английских эмпириков (Бэкона и, в особенности, сенсуалиста Юма) против рационалистов французского Просвещения и их германских аналогов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Перевод письма И. Г. Гамана Иоганну Готтхельфу Линднеру.
Кенигсберг, 11 сентября 1759 г. [Hamann, 1955, pp. 408-411].**

Дорогой возлюбленный друг,

Ваши девицы счастливо прибыли. Уважаемая матушка также надеется на Вашу поклажу. Господин Лауфон просит у Вас (1) Вашу первую речь, (2) Ваше стихотворение к старшему пастору Шульцу, (3) проповедь эссенского пастора на погребение старого Ге фон Кампенгаузен.

Госпожа Стр. Вернер живет, где некогда проживали Ваши хорошие друзья и родители ее сестры Гофф; она должна быть хорошей женщиной, и во время трапезы примерно в 9 часов накрывает стол в своей маленькой лавке для 8–10 персон. Больше я про нее не слышал. Соблаговолите указать мне, пожалуйста, если Вам понадобятся дополнительные сведения.

Ге В. навестил меня в день Александра Невского. Завтра я постараюсь нанести ему обратный визит, если застаю его дома.

Я пустил себе кровь и должен немного полечиться; желаю Вам, дорогой друг, чтобы Вы не чувствовали себя обязанными, но при этом могли бы к правильному времени поступить как я. Чувствую себя замечательно, однако, тружусь над закупорками. Молодая

мать, выходящая из послеродового периода, – из предлагаемого наброска Вы заключите, что со мной случилось нечто такого рода. Используйте это для облегчения пищеварения, по типу египтян, которые пользовались этим, чтобы вспоминать о своей смертности.

Сократические достопримечательности,
собранные воедино для развлечения публики
любителем досуга
с двойным посвящением
Никому и Двоим.

Введение. Судьбы истории философии. Критика Стэнли, Брюкера и Деланда. Связь философии и ее истории. Проект составления истории философии. По причине отсутствия написанной так истории, проект ее изучения и употребления лучшим образом, чем делалось до сих пор. Поясняющий пример. Какова конечная цель истории в общем. Двумя знаменитыми примерами доказывается, что неверие порождает в истории поэтов и романистов. Какое значение имеет для нас то, что какое-либо произведение прошлого могло быть утрачено. Прощание и утешение ученых, плачущих о пропавших трудах. Прочитованы Бэкон и Болингброк. Каково намерение автора. Недостает хорошего жизнеописания Сократа. Анекдотец про этого мудреца, сопровождаемый заявлением автора.

Часть I. Каковы были родители Сократа. Чему он научился у своей матери? Чему научился у своего отца? Сократ становится скульптором; рассуждения о его статуях. Должно ли предпочесть Сократа как скульптора сыну плотника. Его пристрастие к юношам хорошего вида. О противоречиях. Об оракулах и метеорах.

Часть II. Критон: благодетель Сократа. Ему приходится нанимать много учителей и учительниц. Сравнение ничего не имеющего человека с тем, кто ничего не знает. Сравнение незнания Сократа с ипохондрией. Девиз Сократа сопоставлен с надписью на храме в Дельфах. Замечания по поводу дидакалии Аполлона, т. е., его метода обучения. Уловка герменевтики. Одни и те же истины могут быть изложены с совершенно разным духом. Многообразие смыслов сократического высказывания «Я ничего не знаю» в зависимости от типа лиц, к которым он его обращал. Попытка описания мыслей человека, который говорит: «Я не играю», будучи приглашен к игре в карты. Незнание Сократа противопоставлено незнанию скептиков. Различие между ощущением и теоремой или доказательством его же. Вера столь же мало обусловлена причинами, как вкус и зрение. Воображение не есть вера. Печать и ключ к свидетельствам Сократа о его незнании. Доказательство того, что людям-гениям всегда допустимо не знать правил и быть их нарушителями. О даймоне Сократа.

Особенности его учения и размышления как неизбежное следствие его незнания. Исторические палингенезии. Некоторые симптомы того, что Сократ был предназначен именно для афинян.

Часть III. О трех военных кампаниях Сократа. О его публичных обязанностях. Почему Сократ не стал писателем: 1) ради согласия с самим собой, 2) неспособность, 3) его икономия, 4) ввиду предположения о его манере письма. Приводится одна из его притч и аллюзий и применяется к нашему времени. Сократ осужден как злодей. Его преступление. Как он защищается. Внезапная идея облегчает совесть судей. Празднество дает ему 30 дней

для приготовления к смерти. Посмертное явление. Следы его божественного предназначения, по мнению Платона, могли бы быть признаны в его добровольной бедности, но более всего в его кончине и в чести, которая выпадает всем пророкам при осуждении их на смерть.

Заключительное рассуждение. Состоит из некоторых кратких наставлений тем, кто предназначен для служения истине и предсказания о том, на какую награду они могут надеяться за их труды.

Я обратился к примеру Аристотеля, который издал одно сочинение, о котором заявил, что было бы лучше, если бы оно не было издано, поэтому я не первый, кто дразнит публику. Я уже выразил открыто свои убеждения по этому поводу, и я кланяюсь только лишь как Наман перед идолом его господина, когда он должен был по обязанности сопровождать его в храм того идола.

На меня нельзя возложить бремя двусмысленности, иронии и возбуждения (Schwärmerey), потому что здесь имеется не что иное, как подражание моему герою и сократическим писателям-историкам, особенно Шефтсбери и Боллингброку.

Аттический патриотизм первого и платонический энтузиазм второго – суть образцы и антиподы, на которые я указал двоим здешним друзьям. В моем посвящении двоим я отважился сделать предположение, что Сократ обращался к читателям, которые умели плавать, и я также похвалил его метод суждения о темных сочинениях, который состоял в том, чтобы отличать понятное от непонятного.

Могу сказать Вам как другу, что я работал над этим исследованием с упоением, и что оно получилось у меня, как я того желал. Поскольку сам собой я могу быть доволен, я мало завишу от приема у публики. Люди могут выступать против истины, и само это возражение служит им доводом. Можно высмеивать или ревновать о том, в какие пестрые одежды они рядятся: такова участь всех модных одежд, что люди их осуждают либо подражают им.

Я так же мало стыжусь шуток относительно моего познания, как Исаак – Ревекки, чтобы еще смотреть в окно, где стоит похотливый филистимлянин. Моя весенняя радость цветам и добрый настрой моего сердца не помешали мне думать о моем Творце, Творце моей юности и ее шуток. Сижу в тени той, которую желал, говорит моя Муза, и плод ее сладок в моей гортани. Он ведет меня в винный погреб и любовь и Его любовь – знамя надо мной. Освежаюсь цветами и подкрепляюсь яблоками. Вот горы, вот холмы, на которых скачу как беглая лань и поднимаю пыль.

Вы знаете, что мое мышление не систематично, и тем более мой слог ката τὸ βουστροφῆδον (не знаю, насколько правильно это пишу), действующий по методу плуга. Предохраняйте меня, милый друг, от моего духа. Мне нравится думать о моих грехах и безумствах и вспоминать об этом, потому что они всегда вводят меня в ум Иакова, подобно тому, как виночерпий обратил к нему фараона.

Даже если дух недобрый поставит меня на крыло храма, то я не брошусь вниз по его настоянию, но скажу вместе с Павлом: «Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить ...» или вместе с Давидом: «Сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя».

Имейте также терпение к моей плотской слабости и не позволяйте себе рассердиться на меня за мою честность. Как многие хвалятся собой, так и я хвалюсь дерзновенно глупостью. Ибо вы, люди разумные, охотно терпите глупцов. Вы охотно терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто бьет вас в лицо (2 Кор 11).

Все, что я поэтому Вам пишу, проистекает из доверия к Вашей дружбе, в крепости которой я не сомневаюсь. Обнимаю Вас наряду с Вашей дражайшей половиной и остаюсь до конца Вашим истинным другом и слугой. Гаман.

Список литературы / References

Волжин, С. В. (2018). *Theologia crucis и coincidentia oppositorum: Иоганн Георг Гаман, Мартин Лютер, Николай Кузанский. Реформация Мартина Лютера: философско-исторический взгляд прошлого и современности.* Коллективная монография. Ред. И. Л. Фокин. СПб.

Volzhin, S. V. (2018). *Theologia crucis и coincidentia oppositorum: Johann Georg Hamann, Martin Luther, Nickolas of Cusa.* In Fokin, I. L. (ed.). *Reformation of Martin Luther: Philocophical-historical outlook of the Past and Modernity. Joint monograph.* St. Petersburg. (In Russ.)

Гете, И. В. (1976). *Из моей жизни. Поэзия и правда.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.

Goethe, J. W. (1976). *Aus meinem Leben: Dichtung und Wahrheit.* Works in 10 vols. Vol. 3. Moscow. (In Russ.)

Гильманов, В.Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение.* Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of «Type» and the Enlightenment.* Kaliningrad. (In Russ.)

Гильманов, В. Х. (2013). *И. Г. Гаман и И. Кант: битва за чистый разум.* Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2013). *J. G. Hamann and I. Kant: Fight for a Pure Reason.* Kaliningrad. (In Russ.)

Гулыга, А. В. (1985). *Немецкая классическая философия.* М.

Gulyga, A. V. (1985). *German classical philosophy.* Moscow. (In Russ.)

Лютер, М. (2013). *Гейдельбергские диспутации.* Пер. Н. В. Еремеева. *Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры: Альманах.* Ред. О. Э. Душин. СПб. (Verbum. Вып. 15). С. 384-418.

Luther, M. (2013). *Heidelberg Disputations.* Eremeeva, N. V. (transl.). In Dushin, O. E. (ed.). *Reformation of Martin Luther in the Horizon of European Philosophy and Culture: Almanac.* St. Petersburg. (Verbum. Vol. 15). pp. 384-418. (In Russ.)

Стрельцов, А. М. (2018). Аксиологическая проблематика призвания философа в «Сократических достопримечательностях» И. Г. Гамана. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 43. С. 111-116.

Streltsov, A. M. (2018). Axiological Problems of the Philosopher's Calling in Hamann's Socratic Memorabilia. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Vol. 43. pp. 111-116. (In Russ.)

Amir, L. B. (2014). *Humor and the Good Life in Modern Philosophy: Shaftesbury, Hamann, Kierkegaard*. SUNY Press.

Balthasar, H. U. et al. (1983). *The Glory of the Lord: A Theological Aesthetics*. Vol. 1. San Francisco.

Beiser, F. C. (1987). *The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte*. Cambridge.

Betz, J. R. (2007). Hamann Before Kierkegaard: A Systematic Theological Oversight. *Pro Ecclesia*. Vol. 16. no. 3. pp. 299-333.

Bayer, O. (1988). *Zeitgenosse im Widerspruch. J. G. Hamann als radicaler Aufklärer*. München. Zürich.

Blanke, F. (1956). Hamann und Luther. *Studien zur Dogmengeschichte und systematischen Theologie*. Vol. 10. pp. 43-68.

Blanke, F. (1959). *Johann Georg Hamann Hauptschriften erklärt. Vol. II. Sokratische Denkwürdigkeiten*. Gütersloh.

Cooper, J. G. (1750). *The Life of Socrates*. London.

Davidson, R. M. (1981). *Typology in Scripture: A Study of Hermeneutical *tupos* Structures*. Berrien Springs. MI.

Griffith-Dickson, G. (1995). *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin.

Griffith-Dickson, G. (2022). *Johann Georg Hamann*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online]. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/hamann/> (Accessed: 15 July 2023).

Hamann, J. G. (1950). Sokratische Denkwürdigkeiten. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758–1763*, 2.57–82. Wien. Herder. pp. 57-82.

Hamann, J. G. (1951). *Zwey scherflein zur neuesten deutschen litteratur*. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772–1788*. Wien. pp. 229-242.

Hamann, J. G. (1953). *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 5. Tagebuch eines Lesers: 1753–1788*. Wien.

Hamann, J. G. (1955). *Briefwechsel. Bd. 1*. Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1993). *Londoner schriften*. Bayer, O. und Weissendorn, B. (hrsg.). München.

Hegel, G. W. F. (1956). *Hamann's Schriften. Sämtliche Werke. Bd. XI*. Hamburg.

Lafont, C. (1999). *The Linguistic Turn in Hermeneutic Philosophy*. Cambridge. London.

Leonard, M. (2012). *Socrates and the Jews: Hellenism and Hebraism from Moses Mendelssohn to Sigmund Freud*. Chicago.

Lowrie, W. (1950). *Johann Georg Hamann: An Existentialist*. Princeton.

McGrath, A. E. (1985). *Luther's Theology of the Cross*. Oxford.

O'Flaherty, J. C. (1997). "Petitio principia minimi" as a Leitmotif of the Enlightenment According to Hamann. *Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie*. Vol. 39. no. 3. pp. 233-247.

Röhrich, R. (1979). Johann Georg Hamann und Nikolaus von Kues. *Johann Georg Hamann. Acta des Internationalen Hamann-Colloquiums in Lüneburg 1976*. Frankfurt am Mein. pp. 281-284.

Stünkel, K. M. (2005). Metaschematismus und formale Anzeige – Über ein biblisch-paulinisches Rüstzeug des Denkens bei Johann Georg Hamann und Martin Heidegger. *Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie*. Vol. 47. pp. 259-287.

Unger, R. (1925). *Hamann und die Aufklärung*. Bd. 1. Halle.

Young, E. (1822). *The Poems of Edward Young*. Chiswick.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 17.07.2023

После доработки: 18.08.2023

Принята к публикации: 30.09.2023

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

The paper was submitted: 17.07.2023

Received after reworking: 18.08.2023

Accepted for publication: 30.09.2023